

УДК 327.2(73)
ББК 66.4(7Сое)

Ермаков Сергей Михайлович*, ведущий научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Фактор военной силы в современной стратегии США

Приход к власти в США республиканской администрации Д. Трампа заметно активизировал обсуждение в американских экспертных кругах вопроса о роли военной силы во внешней политике страны. Дело в том, что республиканцы традиционно придают большое значение военной составляющей в международных делах. Кроме того, сам Д. Трамп ещё в предвыборный период продемонстрировал свою склонность к жёстким действиям, подкреплённым силой.

В американской политической науке существует множество теорий и концепций, которые по-разному трактуют развитие военной силы, сущность, причины, источники и характер войн. Часто представители отдельных политических школ расходятся в определении базовых понятий – "сила", "мощь", "война" и "военная сила". Следует отметить, что в современной ситуации, которая характеризуется серьёзными геополитическими изменениями, происходит неизбежная переоценка сложившихся понятий и категорий и "уточнение системы понятий стало насущной потребностью военного дела, стремящегося доказать свою полезность"¹.

Понятие "сила" отличается значительной сложностью и комплексностью. Очень часто возникает терминологическая путаница между "военной силой" (military force), "военной мощью" (military power) и "военным вмешательством" (military intervention). В "Словаре военных терминов", издаваемом Министерством обороны США, "военная сила" определяется как "вся совокупность материальных и духовных возможностей государства, которые могут быть использованы в качестве внешнеполитического инструмента, чтобы оказывать материальное или духовное воздействие на политический субъект путём вооружённого насилия"². Традиционно в качестве материальной основы такого насилия рассматриваются собственно вооружённые силы (ВС), другие войска, воинские формирования и структуры, привлекаемые к решению задач обороны и безопасности страны. Такое определение созвучно его российской трактовке, приведённой в "Военном энциклопедическом словаре": "Сила военная – это совокупность средств вооружённого принуждения, применяемых государством

* ermakovriss@gmail.com

¹ Корчмит-Матюшов В.И. Предназначение наше изначально. М.: СИП РИА, 1998. С. 77.

² DOD Dictionary of Military and Associated Terms // Joint Chiefs of Staff. Official website. 2018. April. URL: <https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/dictionary.pdf> (дата обращения: 25.11.2018).

и другими субъектами политики для достижения внутри- и внешнеполитических целей. Включает вооружённые силы и другие воинские формирования и военные органы, создаваемые государством, а в ряде случаев политическими партиями и движениями. Может использоваться в форме непосредственного применения и опосредованно, как угроза силой. Служит либо для защиты общества и государства от вооружённого насилия извне или внутри страны, либо для осуществления военной экспансии, борьбы против законной государственной власти. Устав ООН признаёт правомерным применение Силы военной в целях самообороны и по решению Совета Безопасности в случае угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии"³.

Как видно, в этом контексте "военная сила" – понятие достаточно широкое, оно не замыкается только на вооружённых силах страны и близко к категориям "военная организация" и "военная мощь" государства. Однако государство не является единственным актором на международной арене. Война может вестись не только регулярными вооружёнными силами той или иной страны, но и нерегулярными военными или военизированными формированиями, не связанными с конкретным государством. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в данном контексте сила – это не только потенциал, но и способность его использовать эффективно, добиваясь не столько военных, сколько политических результатов, которые могут выражаться в достижении позитивных или негативных целей⁴.

Использование военной силы может осуществляться в виде целого ряда различных форм, способов и методов. Как отмечают эксперты, их выбор во многом определяется новым мировым порядком после окончания холодной войны и эволюцией взглядов ведущих военных держав на способы и формы применения вооружённого давления на источники угроз их безопасности, на центры силы, которые могут препятствовать продвижению национальных интересов и расширению влияния в сфере международных отношений⁵.

Глубочайшие изменения, произошедшие в мире в последние годы, привели к пересмотру роли и места военной силы как эффективного средства достижения политических и иных целей. При некотором снижении количественных параметров растёт число вариантов её применения, меняются качественные характеристики используемых способов, средств и технологий. Сегодня всё более активно в решении внешнеполитических задач стали задействоваться "несиловые" инструменты, обозначаемые как "мягкая сила" (soft power) в противовес "жёсткой", или "твёрдой", силе (hard power). Однако следует подчеркнуть, что такое разделение достаточно условно. Как отмечают исследователи, "мягкая сила" не является демилитаризацией внешней политики, скорее наоборот, она всего лишь одна из форм современного милитаризма⁶.

³ Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 180.

⁴ Краткий словарь специальных терминов для руководящего состава Вооружённых Сил Российской Федерации / Под общ. ред. М.П. Колесникова. М.: Воен. изд-во, 1994. С. 15.

⁵ Жинкина И.Ю. Фактор силы в системе американских стратегических целей // США: Экономика, политика, идеология. 1996. № 4. С. 50.

⁶ Цыбаков Д.Л. Милитаризация международной политики: Последствия для интересов и безопасности России. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 36.

Более того, в американской политической науке сегодня всё более популярна точка зрения, согласно которой достижение внешнеполитических целей может быть наиболее эффективно обеспечено не "линейным" или поэтапным применением "мягкой" или "твёрдой силы", а их комплексным использованием. Это заставило американских специалистов и политиков ввести в оборот новый термин – "умная сила" (smart power), который как раз и означает гибкое, непрерывное и комплексное воздействие на соперника всеми доступными инструментами государственной мощи.

Понятие войны вводится в политический лексикон и в практическую политику в ином, чем прежде, виде. Некоторые эксперты даже высказывают мнение, что "война больше не означает конец политики или её продолжение иными средствами. Война... постепенно выдавливает политику в... традиционно невоенном смысле этого термина..."⁷. Исходя из этого, важно понять, каким образом в современной политике США соотносятся сила как общая категория и военная сила как её частное проявление.

Факторы, влияющие на использование военной силы США

Военная политика Соединённых Штатов, независимо от того, какая именно администрация (демократическая или республиканская) находилась у власти, была важным фактором, определяющим результаты деятельности международной системы обеспечения безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне. С приходом к власти президента Д. Трампа существенно возросли значение и роль военной политики как во внешнеполитическом дискурсе, так и во внутривнутриполитической жизни страны⁸. Современный интерес к военной силе продиктован тем, что США весьма активно применяют этот инструмент на практике. В так называемый мирный период после окончания холодной войны каждый новый американский президент продолжал или начинал военные действия.

Милитаризация современной американской политики также обусловлена событиями 11 сентября 2001 г., проведением достаточно масштабных военных кампаний под флагом борьбы с международным терроризмом или с угрозой применения оружия массового уничтожения (ОМУ) "диктаторскими режимами" в Афганистане, а позднее в Ираке, Ливии и Сирии. Президент Дж. Буш, объявив глобальную войну международному терроризму, назвал американский народ "нацией на войне", тем самым признав политику государства военной⁹. Таким образом, обеспечение внутренней безопасности стало и одной из главных задач Вооружённых Сил США.

Следует отметить, что анализ военных стратегий современные американские исследователи склонны переводить на более высокий уровень

⁷ Жинкина И.Ю. Понятие "война" в американской стратегии национальной безопасности / Ин-т Соедин. Штатов Америки и Канады РАН. М., 2001. С. 11.

⁸ См.: Военная политика новой администрации США / Г.Г. Тищенко, С.М. Ермаков, А.В. Виловатых, М.Е. Кучинская, Д.А. Чижов, Я.В. Селянин // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6 (45). С. 49.

⁹ Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб.: Наука, 2009. С. 8.

в виде "политической стратегии" или "большой стратегии" (grand strategy), чтобы подчеркнуть условия невоенного характера и необходимость достижения политических задач, влияющих на военное планирование¹⁰. "Большая стратегия" призвана рассматривать военные приготовления в перспективе как мирного, так и военного развития международной обстановки в целом. Военное планирование в рамках "большой стратегии" происходит в расширенном контексте, включающем внутри-, внешнеполитические и экономические факторы, а также возможности союзников. На этом уровне выявляются конечные цели, средства и пределы, в которых должна использоваться военная сила¹¹. Таким образом, в рамках обсуждения "большой стратегии" фактически решается задача по выработке нового стратегического видения Соединённых Штатов¹².

В связи с этим необходимо заметить, что параметры американской "большой стратегии" во многом определяют постулаты, имеющие фундаментальный характер и не связанные непосредственно с конкретной военно-политической обстановкой. Среди них специалисты Российского института стратегических исследований выделяют следующие¹³.

Во-первых, это "островной" характер страны, её географическая удалённость от Евро-Азиатского континента. В моменты выбора стратегического курса развития государства этот факт обуславливал постоянные рецидивы изоляционистского восприятия мира. Относительная защищённость континентальной части Соединённых Штатов от внешних угроз давала возможность выбора в вопросах об участии в тех или иных военно-политических балансах мировой политики. Это же позволяло американским стратегам, руководствуясь соображениями национальной безопасности, акцентировать внимание не на обороне территории от внешних угроз, а на защите своих национальных интересов. Отсюда и задача выбора направлений активного проецирования национальной мощи и влияния для участия в политике большей части регионов мира с точки зрения интересов внутреннего развития Америки.

Во-вторых, среди американского политического истеблишмента сложилась уверенность в том, что США могут играть существенную роль в международных делах, только если в мире не будет никакого другого доминирующего центра силы. Этим обосновывалась необходимость, с одной стороны, поддерживать своё глобальное лидерство, а с другой – не допускать появления мощного регионального конкурента. Традиционно наиболее привлекательными регионами для участия США были Европейский континент и бассейн Тихого океана.

В-третьих, чтобы свободно реализовывать свою "большую стратегию", Соединённым Штатам необходимо контролировать геополитические процессы в прилегающих к национальной территории регионах, чтобы не

¹⁰ Коньшев В.Н. Указ. соч. С. 12.

¹¹ Luttwak E. Strategy: The Logic of War and Peace. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1987. P. 70.

¹² New Voices in Grand Strategy / Ed. by R. Fontaine, L. DeJonge Schulman // The Center for a New American Security. 2019. April. P. 2.

¹³ Евстафьев Д.Г., Кривохижа В.И. Современная геополитика США: Концепции и реальность // США в новом мире: Пределы могущества / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. М.: РИСИ, 1997. С. 11–14.

допустить проникновения туда враждебных или конкурентных сил. Таким образом, Канада и Латинская Америка рассматриваются американскими стратегами как "ближнее зарубежье", т.е. зона своего исключительного влияния.

В-четвёртых, Вашингтон для обеспечения своих геополитических целей эффективно использует комплексный подход, основанный на сочетании методов военно-политического давления и присутствия, интеграции той или иной страны в американоцентричную систему экономических связей, политических договорённостей, а также обеспечения этнокультурной зависимости¹⁴.

Данные постулаты в силу некоторых объективных причин упрочились после окончания холодной войны и на сегодняшний день определяют содержание большей части современных геополитических концепций, бытующих в США. Существенной составляющей американских подходов к применению военной силы является внутривластный контекст, в первую очередь общественная поддержка. Немаловажное значение в укреплении веры Д. Трампа в особую роль военных в защите американских ценностей имело высокое доверие американцев к армии, демонстрируемое ими на протяжении последних 20 лет.

Об этом наглядно свидетельствуют опросы общественного мнения. Согласно последним данным (на 2018 г.) регулярного исследования Института Гэллапа, среди всех государственных структур страны именно вооружённые силы пользуются наибольшим (74 %) доверием американских граждан, причём 43 % из них доверяют армии в значительной степени¹⁵. Вместе с тем менее всего они доверяют конгрессу – 11 %. Стоит также отметить, что из команды Д. Трампа именно бывший министр обороны Дж. Мэттис пользовался наибольшей поддержкой населения¹⁶.

В то же время, как показывают некоторые данные социологических опросов, в американском обществе весьма сильно различается отношение к реальному применению военной силы. Причём в последнее время отмечается явно выраженная тенденция к разделению американцев по вопросам военной политики и национальной безопасности в зависимости от их политических взглядов.

Так, согласно исследованию, проведённому в январе 2019 г. социологическим *Pew Research Center*, американское общество разошлось в оценке заявления Д. Трампа о выводе войск из Сирии: 43 % респондентов признали это решение правильным, а 45 % – ошибочным¹⁷. Схожую картину

¹⁴ США в новом мире: Пределы могущества / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. М.: РИСИ, 1997. С. 14.

¹⁵ Confidence in Institutions // Gallup. 2018. URL: <http://news.gallup.com/poll/1597/confidence-institutions.aspx>; Saad L. Military, Small Business, Police Still Stir Most Confidence // Gallup. 2018. 28 June. URL: <https://news.gallup.com/poll/236243/military-small-business-police-stir-confidence.aspx> (дата обращения: 28.03.2019).

¹⁶ Giaritelli A. Jim Mattis has the highest approval rating in Trump's Cabinet, survey finds // Washington Examiner. 2018. 21 March. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/news/jim-mattis-has-the-highest-approval-rating-in-trumps-cabinet-survey-finds> (дата обращения: 28.03.2019).

¹⁷ Dunn A., Jones B. Americans Are Divided Over Decision To Withdraw From Syria // Pew Research Center. 2019. 18 January. URL: <http://pewresearch.org/fact-tank/2019/01/18/americans-divided-over-decision-to-withdraw-from-syria/> (дата обращения: 28.03.2019).

исследователи данной организации наблюдали в апреле 2018 г., когда выясняли мнение американцев по поводу войны в Ираке (2003 г.). Сейчас иракскую военную операцию поддерживают 43 %, а против войны высказались 45 % граждан США. Интересно, что их мнение накануне начала военной кампании (в 2003 г.) было более единодушным – тогда войну поддержал 71 % опрошенных.

Следует обратить внимание на то, как разногласия в отношении к войне в Ираке коррелируются с политическими взглядами американцев. В настоящее время 61 % членов и сочувствующих Республиканской партии считают оправданным проведение военной операции против режима С. Хусейна, тогда как среди демократов число сторонников войны не превышает 27 %. Исследователи отмечают, что глубокое разочарование американцев этой войной и её итогами проявилось с 2014 г., когда группировки ИГИЛ захватили иракский город Мосул. Тогда для многих граждан США стало очевидно, что заявленные цели военной кампании достигнуты не были.

Схожие результаты были получены при проведении Pew Research Center опроса в ноябре 2017 г. на предмет выявления отношения американцев к превентивным военным операциям¹⁸. Половина опрошенных согласилась с тем, что превентивные действия вооружённых сил против вероятных противников США оправданны. Причём 12 % из них считали, что превентивные военные операции следует проводить в любом случае. В свою очередь, 20 % респондентов придерживались мнения о недопустимости проведения таких действий, а 28 % полагали, что они могут быть оправданы только в исключительных случаях. При этом достаточно большое число (около 68 %) сторонников проведения превентивных операций было среди членов и сочувствующих Республиканской партии. Обратная картина наблюдалась в кругу демократов, где 61 % выступал против их осуществления. В целом социологи отмечают общий рост скептицизма в американском обществе по отношению к использованию военной силы в превентивных действиях.

В то же время большинство населения Соединённых Штатов склоняется к целесообразности военного вовлечения страны в вооружённые конфликты, когда совершено нападение на союзников или под угрозой оказываются жизненно важные интересы США. Так, согласно опросу Pew Research Center, проведённому в 2015 г., 56 % американских граждан считают допустимым использование военной силы против России, если та (по заданному респондентам сценарию) нападёт на европейских союзников по НАТО¹⁹. В то же время 37 % полагают, что в этом случае достаточно обойтись выражением солидарности и оказанием политической и экономической помощи. При этом эксперты обращают внимание на то, что такие настроения могут негативно сказаться на доверии союзников к гарантиям безопасности со стороны США.

¹⁸ *Tyson A.* Americans are split on the principle of pre-emptive military force // Pew Research Center. 2017. 28 November. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/28/americans-are-split-on-the-principle-of-pre-emptive-military-force/> (дата обращения: 28.03.2019).

¹⁹ *Simmons K., Stokes B., Poushter J.* NATO Publics Blame Russia for Ukrainian Crisis, but Reluctant to Provide Military Aid // Pew Research Center. 2015. 10 June. URL: <https://pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid> (дата обращения: 15.10.2017).

Подобные настроения среди населения страны специалисты объясняют тем, что американцы согласны на активное применение военной силы только тогда, когда это не влечёт за собой больших издержек (как материальных, так и людских). Эту особенность, в частности, отмечал известный американский политолог Э. Люттвак, говоря о том, что в современных условиях главным критерием принятия решения по использованию вооружённых сил в конфликте являются потенциальные масштабы жертв среди американских военнослужащих²⁰.

Проблема малой восприимчивости американского общественного мнения к людским потерям, особенно в ограниченных боевых столкновениях, уже давно отмечалась специалистами²¹. И в этом они видят существенные ограничения для проведения активной политики проецирования военной силы²². Однако надо чётко понимать, что уровень неприемлемости потерь для американцев определяется не просто их абсолютными величинами, а соотносится прежде всего с решаемыми задачами в каждом конкретном случае. Таким образом, участие армии в военных операциях по защите жизненно важных национальных интересов государства в глазах населения выглядит, как правило, оправданным и, соответственно, получает от него должную поддержку.

Например, после терактов 11 сентября американцы поддержали президента (Дж. Буша-мл.) в его войне с международным терроризмом. На сегодняшний день, почти за 20-летний период этой войны, погибло уже около 7 тысяч американских военнослужащих (4423 чел. – в Ираке и 2351 чел. – в Афганистане) и более 50 тысяч получили ранения²³.

Вышеизложенные факторы определяют непростую дилемму для руководства США. С одной стороны, общественное мнение не простит ему попыток уклонения от использования военной силы, с другой – администрация не может надеяться на поддержку участия американских солдат в крупном и длительном вооружённом конфликте, потенциально сопряжённом с ощутимыми человеческими жертвами среди военнослужащих²⁴.

Таким образом, военно-политическое руководство США, чтобы гарантировать поддержку населением страны достаточно масштабного применения военной силы (задействования ВС в военных операциях), должно доказать, что оно обосновано необходимостью борьбы с реальным противником, угрожающим жизненно важным интересам государства. В свою очередь, это предполагает осуществление активных и широкомасштабных

²⁰ *Luttwak E.* A Post-Heroic Military Policy // *Foreign Affairs*. 1996. July-August. P. 36.

²¹ *Conversino M.* Sawdust Superpower: Perceptions of US Casualty Tolerance in the Post-Gulf War Era // *Strategic Review*. 1997. Winter. P. 15–23.

²² *Кузнецов Д.В.* "Вьетнамский синдром" в общественном мнении США // *Общественные науки и современность*. 2012. № 2. С. 126–135; *Он же.* События 11 сентября 2001 г. и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. М., 2009. С. 21.

²³ Официальные данные потерь американских военнослужащих см.: *Casualty Status* // U.S. Department of Defense. Official website. URL: <https://www.defense.gov/casualty.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).

²⁴ *Евстафьев Д.Г.* Современная американская военная политика // *США в новом мире: Пределы могущества* / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. М.: РИСИ, 1997. С. 151.

идеологических информационных мероприятий по формированию "образа врага", необходимых для психологической и политической мобилизации американского общества.

Американские концептуальные подходы к применению военной силы

В условиях быстро меняющейся ситуации в мире в американской экспертной среде всё более остро ставится вопрос о выработке так называемой большой стратегии, в которой указывались бы цели внешней и военной политики и средства их достижения. По мнению представителей бизнес-сообщества США, также следует определить альтернативные варианты реализации указанной стратегии с учётом имеющихся ресурсов и разработать детальные планы их осуществления.

Отсутствие ясной картины мира и "большой стратегии" угрожает поставить руководство страны в положение, когда оно будет способно лишь рефлексивно реагировать на возникающие угрозы, "затыкать дыры" в сфере безопасности государства. Как считают некоторые специалисты, ни один из ныне действующих директивных документов не сможет стать реальной основой долгосрочного планирования развития американских ВС, пока не будет выработана "большая стратегия" обеспечения безопасности и определены ресурсы, требуемые для её претворения в жизнь²⁵.

В целом анализ современных американских подходов к применению военной силы показывает, что на сегодняшний день в Соединённых Штатах отсутствует комплексный и полностью отработанный подход к использованию военной силы в условиях переходного периода от однополярного к многополярному миру. Тем не менее необходимо, безусловно, признать наличие у военно-политического руководства США реальных силовых инструментов для осуществления одновременно одного полномасштабного конфликта в рамках сценария крупного регионального конфликта, а также сдерживания противника в другом важном для государства региональном военно-политическом балансе в пределах дружественной для Вашингтона коалиции.

Национальные интересы и ограниченные ресурсы США говорят в пользу избирательного использования национальных вооружённых сил. Американские военные эксперты сходятся во мнении, что решение о применении ВС должно приниматься, прежде всего исходя из степени важности интересов страны, которые находятся под угрозой, и из того, будут ли стоимость и риск конкретного военного вовлечения соразмерны этим интересам. Отмечается, что когда на карту поставлены жизненно важные национальные интересы (т.е. когда они имеют решающее значение для обороны и выживания Соединённых Штатов как государства и нации), то

²⁵ См., например, работы руководителя комиссии конгресса по подготовке Стратегии национальной обороны США Э. Эдельмана, посвящённые проблеме выработки "большой стратегии": *Avoiding a Strategy of Bluff: The Crisis of American Military Primacy* // Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2017. March. URL: <https://csbaonline.org/research/publications/avoiding-a-strategy-of-bluff-the-crisis-of-american-military-primacy> (дата обращения: 28.03.2019).

должны быть приняты все возможные меры по их защите, включая при необходимости одностороннее использование военной силы.

В случаях, когда американские интересы не являются жизненно важными, т.е. не затрагивают национальное "выживание", но связаны с национальным благосостоянием и оказывают влияние на формирование международной обстановки, вооружённые силы могут привлекаться, если они действительно способны защитить интересы США, с большой степенью вероятности выполнить поставленные перед ними задачи и если добиться желаемых целей другими средствами невозможно. Применение ВС в таких ситуациях должно быть избирательным и ограниченным.

В остальных случаях, если под угрозой находятся интересы США более низкого уровня, задействование ВС расценивается как нецелесообразное. Однако в некоторых ситуациях использование уникальных возможностей военных инструментов считается необходимым. Признаётся, например, целесообразным участие американских вооружённых сил в операциях, связанных с оказанием помощи гражданским структурам при различных катастрофах, когда необходима срочная помощь и только американские войска способны её предоставить. Однако прежде чем принять участие в таких миссиях, должны быть ясно определены решаемые задачи и сведён к минимуму риск для ВС США. Кроме того, американское военное вовлечение должно быть минимальным и осуществляться только на ранних стадиях, пока не будет заменено международными усилиями.

С учётом сказанного возрастает интерес к применению вооружённой силы в более ограниченных формах. Так, в недрах Пентагона зародилась оперативная концепция проведения "военных операций, отличных от войны" (ВООВ; military operations other than war – МООТВ). Согласно определению, данному в последней редакции "Словаря военных терминов" ВС США²⁶, под ВООВ понимаются акции, которые объединяют использование военных возможностей и средств во всём спектре военных операций, не достигающих масштабов классической войны. Эти вооружённые акции могут сопровождаться использованием любого сочетания других (невоенных) инструментов национальной мощи и проводиться до, в течение или после войны. В числе форм применения военной силы в ограниченных вооружённых конфликтах, не достигающих масштабов классической войны, выделяются следующие:

- военные демонстрации и развёртывание войск в поддержку дипломатических акций;
- спасательные операции в отношении граждан США и стран-союзниц;
- обеспечение различных режимов санкций;
- нанесение ограниченных авиационных ударов;
- поддержка союзников в ограниченных войнах;
- боевые операции войск США в ограниченных войнах.

В настоящее время подобные принципы военного вовлечения и интервенции продолжают уточняться. Следует заметить, что определение условий возможного использования военной силы является достаточно сложной задачей для американского экспертного сообщества. Ещё более трудным

²⁶ DOD Dictionary of Military and Associated Terms.

представляется поиск критериев, которые позволяли бы оценить эффективность её применения в политических целях. По всей видимости, такие универсальные критерии вряд ли можно сформулировать достаточно точно, поскольку политические цели и задачи устанавливаются, с одной стороны, на достаточно большой срок, превышающий временные рамки участия вооружённых сил. С другой стороны, часто политические цели, по крайней мере на начальном этапе планирования операций, формулируются крайне нечётко или общо. Кроме того, нужно учитывать динамичный характер развития военно-политической обстановки, который влияет и на изменение конечных стратегических целей. Например, военная операция США и НАТО в Ливии, которая сначала оценивалась как самая успешная кампания Альянса за последнее время, фактически привела к обратным результатам – усилению конфликтного потенциала в регионе.

Аналитиками американского Фонда "Наследие" (весьма близкого к команде Д. Трампа) предлагаются следующие критерии (разработанные на основе предложений бывшего министра обороны К. Уайнбергера), которым должны следовать администрация главы государства и конгресс, прежде чем одобрить любое военное вмешательство²⁷.

Критерий 1. Военное вмешательство должно содействовать обеспечению национальной безопасности. Необходимо признать, что не во всех случаях требуется привлечение ВС. Чтобы использовать свою военную мощь действительно эффективно, нужно определить приоритеты, где и как эту мощь применять, чтобы защитить жизненно важные и периферийные (ограниченные) интересы, избегая чрезмерного "активизма", который рассеивает необходимые ресурсы, и изоляционизма, который не употребляет возможности влияния на ход событий в нужном направлении.

Критерий 2. Военное вмешательство не должно подвергать опасности способность США отвечать на более важные вызовы безопасности. Основная сложность соответствия этому критерию, по мнению экспертов, состоит в том, что слишком широкое вовлечение американских сил в операции различного масштаба будет для них чрезмерной нагрузкой при современном уровне боеспособности и готовности.

Критерий 3. Военное вмешательство должно достичь военных целей, которые ясно определены, имеют решающее значение и выполнимы. Оно должно осуществляться таким образом, чтобы решать чётко поставленные военные задачи, которые с военной точки зрения достижимы, соответствуют политическим целям, и поддерживаться вооружёнными силами, достаточными по своей мощи для их выполнения.

Критерий 4. Военное вмешательство должно получить поддержку конгресса и американского общества.

Критерий 5. Вооружённым силам необходимо позволить создавать условия для успешного проведения операции. Также ВС нужно предоставить оперативную свободу для того, чтобы они могли успешно выполнить поставленные задачи.

Анализ приведённых критериев показывает, что, по мнению американских экспертов, военная сила в прямой или косвенной форме остаётся

²⁷ См.: *Cohen Eliot A. The Big Stick: The Limits of Soft Power and the Necessity of Military Force.* N.Y.: Basic Books, 2017.

и будет оставаться в дальнейшем одним из важнейших компонентов мощи государства и одним из ключевых инструментов проецирования внешне-политического влияния.

В ближайшие годы по геополитическим соображениям Соединённые Штаты будут вынуждены использовать военную силу как дискретно, так и на долговременной основе. Однако магистральным направлением американской военной политики, скорее всего, станет всё же формирование системы взаимосвязанных региональных и трансрегиональных формализованных и неформализованных союзов, действующих по принципу взаимного блокирования и уравнивания с ограниченным военным участием США.

Фактор военной силы в политике Д. Трампа

Анализируя роль военной силы в политике действующего главы Белого дома, следует подчеркнуть, что сегодня для американских стратегов различных политических взглядов более предпочтительной считается опора на "умную силу", т.е. сочетание силовых (hard) и несиловых (soft) инструментов в реализации политических целей. Однако в каком соотношении эти инструменты будут комбинироваться в каждой конкретной ситуации, зависит от политики правящей администрации и личности самого президента.

Жёсткая, на грани милитаристской риторика Д. Трампа в ходе предвыборной кампании и первые результаты его деятельности на высшем государственном посту позволили наблюдателям сделать вывод о том, что "военную силу он рассматривает как первостепенный (если не единственный) инструмент внешней политики"²⁸. Подобные заключения многие эксперты делали на основе следующих фактов: санкционирование новым президентом операции спецназа в Йемене; нанесение ракетных ударов по позициям правительственных войск в Сирии; снятие прежних ограничений на использование военных в Сомали и размещение в этой стране нескольких десятков американских инструкторов; продолжение операций ВС США в Афганистане; обещание нанести мощный военный удар по КНДР и продемонстрировать "огонь и ярость", если северокорейский режим не откажется от своих планов по развитию ракетно-ядерной программы. Кроме того, бюджетные предложения администрации по сокращению более чем на четверть (28 %) финансирования программ Госдепа в пользу военного ведомства заставили часть американских экспертов говорить об однозначной милитаризации внешнеполитического курса Соединённых Штатов²⁹.

²⁸ Juul P., Gude K. Reckless Endangerment: President Trump and the Use of Military Force // Center for American Progress. 2017. 1 May. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2017/05/01/431566/reckless-endangerment-president-trump-use-military-force/> (дата обращения: 28.03.2019).

²⁹ Morello C. State Department's 28 percent cuts hit foreign aid, U.N. and climate change // The Washington Post. 2017. 16 March. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/state-departments-28-percent-cuts-hit-foreign-aid-un-and-climate-change/2017/03/15/294d7ab8-0996-11e7-a15f-a58d4a988474_story.html (дата обращения: 28.03.2019).

Можно согласиться с тем, что Д. Трамп склонен чаще действовать по принципу кнута и пряника с большим упором на силовой компонент. Однако в таком подходе нет ничего принципиально нового. Он хорошо известен ещё со времён холодной войны, когда широко применялся, например, администрациями Р. Никсона, а затем Р. Рейгана в рамках внешнеполитической парадигмы "мир с позиции силы". Такой подход в полной мере присущ и нынешнему американскому лидеру, который заявляет о намерении добиваться урегулирования актуальных международных проблем посредством ведения "переговоров или диалога с позиции силы"³⁰.

В большей степени отличают политику Д. Трампа резкая риторика и национализм, ставящий на первое место интересы Соединённых Штатов, тогда как императивом внешней политики страны при демократах традиционно являлось продвижение американских ценностей, которые отождествлялись с естественным выбором "всего цивилизованного сообщества демократических государств" мира.

По мнению многих американских экспертов либеральных и глобалистских взглядов, именно верховенство национальных интересов и является характерной чертой так называемой доктрины Трампа. Её основные принципы президент в неявном виде сформулировал в своей речи по Афганистану 21 августа 2017 г., произнесённой на военной базе в Арлингтоне. Он, в частности, заявил, что "Америка не будет впредь использовать армию для построения демократий за рубежом или для восстановления порядка в других странах по американскому образцу"³¹. При этом Д. Трамп отметил, что Соединённые Штаты при проведении своей внешней политики потратили много времени, энергии и, главное, потеряли множество своих военнослужащих ради безуспешных попыток убедить другие страны следовать их принципам. В то же время президент подчеркнул, что США не будут требовать, чтобы другие государства меняли "свой образ жизни", но сконцентрируются на отстаивании собственных национальных интересов, в обеспечении которых важная роль отводится вооружённым силам³². В качестве основного критерия успешности внешней политики новая президентская администрация выделила достижение явного, конкретного результата, способного упрочить американское глобальное лидерство. Вовлечение же с неясными перспективами в решение всевозможных мировых проблем было признано неэффективным и контрпродуктивным. В связи с этим глава государства заявил: "Следует признать, что за 16 лет после атаки 11 сентября американский народ уже устал от войны без победы"³³.

Важно отметить, что американские специалисты критически оценивают военные интервенции (military interventions), осуществлённые США

³⁰ *Berman R.* President Trump's "Hard Power" Budget // The Atlantic. 2017. 16 March. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/03/president-trumps-hard-power-budget/519702/> (дата обращения: 28.03.2019).

³¹ Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan // The New York Times. 2017. 21 August. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/trump-speech-afghanistan.html> (дата обращения: 28.03.2019).

³² *Rogin J.* State Department considers scrubbing democracy promotion from its mission // The Washington Post. 2017. 1 August. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/josh-rogin/wp/2017/08/01/state-department-considers-scrubbing-democracy-promotion-from-its-mission/> (дата обращения: 28.03.2019).

³³ Ibid.

после окончания холодной войны (более 200 раз с 1992 г.). Они согласны с резкими высказываниями президента Д. Трампа о том, что "семь триллионов долларов, израсходованных (на военные интервенции. – *Прим. авт.*) за 17-летний период, не принесли никаких результатов, кроме смерти и разрушения"³⁴.

Американские эксперты объясняют подобную военную активность Вашингтона, не всегда оправданную с рациональной точки зрения, имевшимся военным превосходством, позволявшим ему осуществлять вооружённые интервенции практически в любом месте и в любое время, не опасаясь катастрофической эскалации конфликта. Таким образом, военная сила становилась центральным инструментом американской "большой стратегии". Однако, по словам американских экспертов, попытка решения главной стратегической задачи – не допустить появления нового, сопоставимого с Соединёнными Штатами соперника – провалилась³⁵.

В последнее время появились важные документы, в которых отражены основы внешней и военной политики администрации Д. Трампа – Стратегия национальной безопасности (СНБ, 2017 г.), Стратегия национальной обороны (СНО, 2018 г.), Обзор ядерной политики (2018 г.) и Обзор противоракетной обороны (2019 г.)³⁶. Разработка и появление таких основополагающих документов признаются чрезвычайно важными шагами новой администрации. Так, бывший министр обороны США Дж. Мэттис отметил, что "без ясной обоснованной стратегии, которая чётко поставит задачи и сможет связать воедино подходы к действиям с силами и средствами, нельзя добиться успеха, даже имея самых блестящих генералов, хорошо подготовленных и оснащённых солдат, самую передовую военную технику и вооружения"³⁷.

Появление новых стратегических документов официально закрепило, по оценкам американских экспертов, возрождение геополитического мышления в истеблишменте страны и, как следствие, смену приоритетов в политике обеспечения национальной безопасности. Теперь на первое место выходит соперничество с Россией и Китаем, а не борьба с международным терроризмом. И если во всех предыдущих стратегиях эти государства определялись как "региональные державы", соответственно представлявшие

³⁴ См.: *Lissner R. Military Intervention and the Future of American Grand Strategy // New Voices in Grand Strategy // Center for a New American Security – CNAS. 2019. P. 50.*

³⁵ *Ibid.* P. 52.

³⁶ *National Security Strategy of the United States of America. 2017. December // The White House. Official website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // U.S. Department of Defense. Official website. URL: <https://www.dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>; Nuclear Posture Review. 2018. February // *Ibid.* URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/201872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>; Missile Defense Review. 2019 // *Ibid.* URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (дата обращения: 01.06.2019).*

³⁷ *Gertz B. Mattis on strategy // The Washington Times. 2018. 16 May. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/may/16/jim-mattis-on-defense-strategy/> (дата обращения: 28.03.2019).*

для США угрозу регионального масштаба, то в новой Стратегии национальной безопасности они характеризуются как глобальные игроки с глобальными амбициями.

Кроме того, прежде отмечалось, что после окончания холодной войны в мире не существует экзистенциальной угрозы для Вашингтона, так как нет такой страны на планете, которая могла бы угрожать самому существованию Соединённых Штатов. В новой Стратегии акцент делается на том, что Россия и в меньшей степени Китай такой угрозой для США являются. Следует подчеркнуть, что по-прежнему главным императивом военной силы США в международных делах признаётся обеспечение глобального лидерства страны. Однако если раньше речь шла о поддержании выгодного для неё баланса сил и закреплении сложившегося после окончания холодной войны статус-кво и однополярного мира, то теперь нужно говорить скорее о восстановлении этого лидерства. Согласно новой Стратегии национальной безопасности мир превратился в сцену глобальной конкуренции. По мнению разработчиков документа, обострение конкуренции со стороны России и Китая, а также угрозы, исходящие от КНДР, Ирана и террористических движений, требуют от США пересмысления внешнеполитических подходов, доминировавших последние 20 лет³⁸. Пересмотру подлежит концепция "вовлечения" прежней администрации, согласно которой сотрудничество со странами-соперниками и их участие в международных политических и экономических институтах позволяют превратить их в "добросовестных" членов международного сообщества и конструктивных партнёров. Авторы Стратегии Д. Трампа убеждены, что такой подход не выдержал проверку временем.

В последних стратегических документах отмечается, что существующий миропорядок является источником целого ряда серьёзных проблем для Соединённых Штатов. В этом контексте в обозримом будущем внешняя политика Вашингтона должна ориентироваться не на распространение американских ценностей, а быть призвана в первую очередь защищать национальные интересы и сдерживать угрозы.

Новая СНБ в основе своей имеет четыре ключевых элемента: защиту национальной территории, процветание Америки, мир для американского народа и усиление влияния страны в международных делах. В эпоху непредсказуемости главная озабоченность, выраженная в Стратегии, – это сокращение безоговорочного американского военного превосходства, поэтому ещё большее укрепление военной мощи ставится в документе в качестве первостепенной задачи. При этом как фундаментальная цель заявлена защита приоритета американских интересов над всеми остальными, даже за счёт дальнейшего ослабления многосторонних институтов и механизмов международной политики.

Ряд американских аналитиков считает, что представления о путях укрепления международных позиций Соединённых Штатов, продвигаемые администрацией Д. Трампа, способны ещё больше подорвать влияние Вашингтона. Во-первых, они создают предпосылки для консолидации против США стран, обеспокоенных сохранением своего суверенитета, а во-вторых, рискуют придать новый импульс наметившемуся в последнее время охлаждению отношений с многими ключевыми союзниками.

³⁸ National Security Strategy of the United States of America. 2017. December.

Весьма показательно название третьей главы Стратегии национальной безопасности – "Сохранение мира через силу". Ради обеспечения своих политических и экономических интересов в "новую эру стратегической конкуренции" нынешнее американское руководство обращается к военной силе. При этом констатируется, что:

- Америка будет использовать своё влияние для продвижения собственных интересов и деятельности на благо человечества;
- ставится цель восстановления военной мощи Соединённых Штатов для обеспечения глобального лидерства. Соответственно, речь идёт не столько о восстановлении военного потенциала, сколько о достижении утраченного подавляющего военного превосходства;
- Вашингтон будет использовать все инструменты государственной мощи (дипломатические, информационные, военные и экономические) для защиты американских интересов, при этом главная роль отводится именно Пентагону;
- США будут обеспечивать сохранение баланса сил в свою пользу в ключевых регионах мира: в Индо-Тихоокеанском регионе, Европе и на Ближнем Востоке.

Кроме того, Соединённые Штаты укрепят свои возможности во всех сферах, включая космос и киберпространство. Таким образом, ресурс для достижения превосходства американские стратеги видят в наращивании военных возможностей в новых сферах, что повышает вероятность ускоренной милитаризации и, соответственно, уровень угрозы для международной безопасности.

Следует отметить, что в основе Стратегии национальной обороны США, которую в начале 2018 г. представил тогдашний министр обороны Дж. Мэттис, лежит соперничество с другими странами, а не борьба с терроризмом³⁹. По заявлению высшего американского военачальника, "Соединённые Штаты продолжают кампанию по борьбе с терроризмом, но главной задачей новой стратегии станет соперничество между великими державами"⁴⁰.

Таким образом, сегодня оборонная стратегия США переориентируется на конкуренцию с двумя основными геополитическими соперниками: Россией и Китаем, в особенности на противодействие их военным возможностям. Такой стратегический разворот в американских экспертных кругах получил название "стратегии 2+3", т.е. борьба с двумя главными вызовами – Россией и Китаем – и тремя угрозами меньшего масштаба – Ираном, Северной Кореей и международным терроризмом⁴¹.

Согласно положениям СНО, для эффективного противодействия новым угрозам необходимо работать по трём ключевым стратегическим направлениям: по укреплению боевой и огневой мощи ВС США; усилению возможностей союзников и партнёров; по глубокому реформированию военной организации государства.

Ведущая цель наращивания военного потенциала США, на взгляд американских экспертов, заключается в обеспечении надёжного "сдерживания"

³⁹ Summary of the National Defense Strategy of The United States of America.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ O'Rourke R. A Shift in the International Security Environment: Potential Implications for Defense – Issues for Congress // Congressional Research Service Report. R43838. 2018. 26 April.

России и Китая, чтобы в перспективе лишить их военно-политическое руководство возможности военного ответа на оказываемое на них давление. Такая задача чётко обозначена перед Министерством обороны США в новой Стратегии национальной обороны. В этом документе указывается на то, что, помимо решения традиционных для вооружённых сил задач по сдерживанию противника и его разгрому в случае войны, Пентагон должен оказывать содействие американской дипломатии и в случае необходимости обеспечить возможность военного выбора, с тем чтобы военно-политическое руководство США могло вести переговоры с позиции силы. Подчёркивается также, что взаимовыгодные альянсы и партнёрские отношения имеют решающее значение для построения надёжной обороны. Они обеспечивают Соединённым Штатам "асимметричное стратегическое преимущество", которым не обладает ни один конкурент или противник. Союзники и партнёры предоставляют в распоряжение Вашингтона дополнительные силы и средства наряду с уникальными возможностями, которыми они обладают в ключевых регионах мира, усиливая таким образом общий военный потенциал Америки. Их участие также необходимо США для поддержания развёрнутой по всему миру американской системы передового базирования, лежащей в основе стратегии глобального охвата.

В СНО отмечается, что Вашингтон будет укреплять и развивать свои союзы и партнёрские связи, объединять их в расширенную сеть, способную эффективно сдерживать различные вызовы и угрозы. Такая сеть должна быть устойчива в кризисных ситуациях. При этом предполагается сосредоточить усилия на решении трёх задач:

- укреплении основ взаимного уважения, ответственности, соблюдения приоритетов и подотчётности;
- расширении региональных консультационных механизмов и совместного планирования;
- углублении оперативной совместимости сил союзников и партнёров.

Согласно положениям документа, США намерены укреплять альянсы и двусторонние союзнические отношения по всему миру, не перенося акцент на какой-то один регион. Однако американские эксперты отмечают, что в современной военно-стратегической обстановке первоочередную ценность для Соединённых Штатов имеют альянсы и союзники, которые способны серьёзно повысить общий потенциал сдерживания главных геополитических противников – России и Китая.

Следует также обратить внимание на изложенные в Обзоре ядерной политики (ОЯП) масштабные планы нынешней администрации США по модернизации американского ракетно-ядерного потенциала и ядерно-промышленного комплекса. По замыслу американских стратегов, страна должна обладать такими научно-техническими и производственными возможностями, которые позволяли бы не только обеспечивать безопасность имеющегося ядерного арсенала, но и разрабатывать и производить в случае необходимости новые виды ядерных боезарядов.

Речь идёт о создании новой боеголовки малой мощности для баллистических ракет подводных лодок и новой крылатой ракеты морского базирования. Принятие на вооружение подобных систем логично рассматривать как попытку американцев получить дополнительные средства сдерживания в ответ на якобы нарушение Россией Договора о ликвидации ракет

средней и меньшей дальности (РСМД). США озвучили условия, при которых они будут развёрнуты: прекращение Россией переговоров по сокращению нестратегического ядерного оружия и "продолжение российским руководством нынешней линии геополитического поведения"⁴².

Здесь очень чётко просматривается стратегическая установка администрации Д. Трампа на следование принципу "переговоры с позиции силы". Считается, что возвращение этих ракет на вооружение и последующее повышение военной угрозы для РФ заставят её пойти на заключение новых соглашений по нестратегическому (тактическому) ядерному оружию (по аналогии с ситуацией 1980-х гг., когда США разместили свои ракеты средней дальности в Европе).

Другой важный момент новой ядерной стратегии – это расширение сценариев применения ядерных сил. Теперь "ядерное оружие может быть использовано в ответ на атаку против гражданского населения или инфраструктуры США, их союзников и партнёров, нападение на ядерные силы США и их союзников, их систем управления и предупреждения"⁴³. Кроме того, подчёркивается, что ядерный потенциал Соединённых Штатов имеет решающее значение для сдерживания агрессии как с применением, так и без применения ядерного оружия. Это максимально широкая формулировка: теоретически кибератака, которая выводит из строя энергетическую систему Америки, подпадает под ситуацию, допускающую нанесение ответного ядерного удара.

Однако принципиально новым в современной американской стратегии является смещение проблемы ядерного сдерживания с глобального на региональный уровень, т.е. на решение задачи регионального ядерного сдерживания⁴⁴. Дилемма, с точки зрения американских стратегов, заключается в том, что, если российская сторона нанесёт маломощный ядерный удар, американцам нечем будет на него ответить без использования стратегических сил и начала полномасштабной ядерной войны. Для ликвидации этого "отставания" и поставлена цель создать новые ракету и боеголовку. Необходимо подчеркнуть, что региональное сдерживание так же, а может быть, даже в большей степени будет направлено против Китая, а не России. Предполагаемые российские ядерные и неядерные атаки в Европе планируется сдерживать комбинацией ядерных сил США и НАТО в Европе (фактически американское тактическое ядерное оружие), а также Великобритании и Франции.

Однозначный выбор США в пользу "стратегического сдерживания" Китая и России может объясняться несколькими мотивами. В частности, заявления Белого дома и Пентагона о начале нового военно-технологического рывка, призванного дать невероятно эффективные образцы вооружений и военной техники, могут быть нацелены на раскручивание очередной гонки вооружений, более затратной для конкурентов, чем для США. По сути, такой курс во многом повторяет политику администрации

⁴² Nuclear Posture Review. 2018. February.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ядерная политика новой администрации США: Вызовы и возможности для России и режима ядерного нераспространения // Ядерный контроль. 2018. Февраль-март. № 2–3 (496–497). С. 13.

Р. Рейгана времён холодной войны. Вместе с тем в основополагающих документах стратегического планирования происходит закрепление установок на удержание лидирующего положения Соединённых Штатов в мире как военной и экономической сверхдержавы в целях обеспечения свободы действий на международной арене и беспрепятственного доступа к наиболее важным регионам для реализации всего спектра национальных интересов. Таким образом, в обозримой перспективе следует готовиться к усилению наступательного характера внешней и военной политики Вашингтона.

*   *
*

Военная сила остаётся неотъемлемым инструментом внешней политики Соединённых Штатов и одним из основных средств достижения их внешнеполитических целей. В своё время государственный секретарь страны Дж. Шульц следующим образом охарактеризовал внешнеполитическое значение военных инструментов: "Дипломатия, не подержанная силой, всегда будет неэффективной в лучшем случае и опасной в худшем"⁴⁵.

Однако, как отмечают специалисты, в настоящее время масштабы, способы и интенсивность использования самой военной силы становятся всё более гибкими. Появились такие понятия, как "превентивная оборона", "информационная война", "нетрадиционная война", "внутренняя война", "операции иные, чем война", "операции по национально-государственному строительству" и т.п. Эти термины, вводимые в оборот не только учёными, но и военными, не всегда корректно определены. Едва ли можно говорить об их соответствии международному праву⁴⁶.

В результате, с одной стороны, стираются границы между открытыми военными действиями и тайными операциями. Последние не различают государственных границ, мирное и военное время, военные и гражданские объекты, военное и гражданское население. С другой стороны, в реализацию и планирование силовых акций США всё чаще вовлекаются невоенные ведомства и учреждения: Госдепартамент, Министерство финансов, частные фонды и фирмы. Размывается прежнее значение силовых действий и критериев применения силы, что ярко проявляется в так называемых гуманитарных интервенциях и операциях по принуждению к миру. США пытаются представлять собственные интересы под прикрытием добра и гуманности для получения мнимой легитимности⁴⁷.

Следует отметить, что, несмотря на всё больший интерес в западном экспертном сообществе к несиловым методам достижения политических целей, сегодня военная сила продолжает и, по всей видимости, будет в дальнейшем занимать важное место во внешнеполитическом инструментарии Вашингтона. Сотрудники ведущего американского "мозгового центра" – Совета по международным отношениям – Р. Блэквилл и Д. М. Харрис

⁴⁵ *Bleachman B., Wittes T. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy since 1989 // Political Science Quarterly. 1999. Vol. 114. P. 2.*

⁴⁶ *Копышев В.Н. Указ. соч. С. 8.*

⁴⁷ Там же. С. 9.

в своей книге "Война иными средствами" констатируют, что, "будучи наиболее мощной и крепкой экономикой на планете, Соединённые Штаты Америки слишком часто тянутся к пистолету вместо кошелька на международной арене"⁴⁸. По их мнению, "Америка едва ли переросла потребность в угрозе применения и в реальном применении военной силы, каковая остаётся центральным элементом внешней политики США"⁴⁹.

Такое положение дел, по мнению российского авторитетного исследователя О. Иванова, связано с рациональными и с иррациональными факторами использования американской военной силы в современных условиях⁵⁰. При этом он отмечает тот факт, что она привлекается американцами в качестве инструмента как опосредованного воздействия на противников в форме сдерживания, так и непосредственно, в виде прямого насилия, а также служит проводником влияния и поддержки союзников и друзей американского правительства. Как отмечает в связи с этим специалист по истории внешней политики США Г. Хастедт, военная сила "поднимает престиж и придаёт важность американским предложениям и выражениям озабоченности. Знание, что она существует, влияет как на подходы американских политиков, так и на позиции других государств"⁵¹. Таким образом, как метко заметил Т. Фридмен: "Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем"⁵².

Ведущие американские эксперты рассматривают военную силу, в частности демонстрацию силы через передовое военное присутствие, в качестве эффективного инструмента политики сдерживания, предоставления гарантий безопасности союзникам и партнёрам, защиты ключевых интересов США в кризисных ситуациях, поддержания стабильности на глобальном и региональном уровнях, сохранения выгодного для Вашингтона международного экономического порядка, борьбы с распространением ОМУ и т.п. Ключевую цель американского передового присутствия очень ёмко обозначил бывший председатель Объединённого комитета начальников штабов генерал К. Пауэлл: "Наше передовое присутствие установлено, чтобы ясно продемонстрировать наши обязательства союзникам и заставить глубоко задуматься любого нарушителя мира... Сегодня экономическая мощь имеет существенное значение; также необходим политический и дипломатический опыт; сила наших идеалов и ценностей играет фундаментальную роль в достижении нами любого успеха, но присутствие нашего оружия для укрепления этих элементов является столь же критически важным для нас, как и сама свобода, которую мы так боготворим"⁵³.

Сегодня в американском экспертном сообществе, несмотря на имеющийся консенсус по вопросу необходимости сохранения глобального

⁴⁸ Блэквилл Р., Харрис Д.М. Война иными средствами: Геоэкономика и искусство управления государством. М.: АСТ, 2016. С. 8.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Иванов О.П. Применение военной силы США: Рациональный и иррациональный подход. М.: Науч. книга, 2007.

⁵¹ Hastedt G. American Foreign Policy. New Jersey, 1997. P. 290. Цит. по: Иванов О.П. Указ. соч. С. 6.

⁵² Цит. по: Иванов О.П. Указ. соч. С. 5.

⁵³ Powell C. US Forces: Challenges Ahead // Foreign Affairs. 1992–1993. Vol. 71. No. 5. Winter. P. 36.

лидерства США в новых условиях, продолжаются дискуссии о внешнеполитической стратегии государства в свете формирования нового миропорядка. Серьёзные споры идут по поводу выбора оптимального инструментария укрепления американских позиций в мире. Следует отметить, что дополнительный накал этим спорам придаёт поляризация политических сил в Соединённых Штатах, в том числе и по отношению к применению военной силы в политических целях, не связанных напрямую с обороной страны⁵⁴.

Примечательно, что когда подобные дискуссии в США проходили в не менее сложный для выработки долгосрочной стратегии период перехода от биполярного к многополярному миру, то внимание американских экспертов преимущественно занимал вопрос о несиловых инструментах большой политики. Например, именно тогда появились известные работы профессора Гарвардского университета Дж. Ная, в которых он ввёл в оборот термин "мягкая сила"⁵⁵. Сегодня мы наблюдаем некоторое смещение акцентов в американской экспертной среде. Более популярным становится термин "умная (разумная) сила", предполагающий гибкое сочетание силовых и несиловых инструментов во внешней политике.

При этом большинство американских экспертов и политологов консервативного толка, имеющих в настоящее время наибольший вес в военно-политических кругах, считают, что следует проводить разумную политику с позиции силы, благодаря которой можно достичь главной стратегической цели – обеспечить то самое лидерство в мире, которое Америка постепенно утрачивает. При этом, по их мнению, противодействие России, Китаю, Ирану и КНДР должно базироваться на сдерживании; предоставлении гарантий безопасности союзникам, особенно в Европе; улучшении американских возможностей в ведении субконвенциональных конфликтов и, наконец, создании потенциала для превентивного разоружения Тегерана или Пхеньяна.

В то же время некоторые американские аналитики полагают, что военная сила в современной мировой политике предназначена прежде всего для её силового обеспечения, а также для создания "силового фона" дипломатии. Её прямое использование чревато многими издержками и рисками, что изначально предполагает стремление максимально расширить спектр силовых (но не военных) средств политики, минимизировав вооружённое насилие. Свою точку зрения они подкрепляют и тем фактом, что американское общество не готово будет поддержать длительные военные действия с неясными целями и последствиями⁵⁶.

По оценкам этих специалистов, в условиях геополитического противоборства с набирающими силу соперниками в лице России и Китая США утратили своё прежнее комфортное положение единственной сверхдержавы, обладающей подавляющим военным превосходством, однако Вашингтону

⁵⁴ Ермаков С.М. Большая дубинка США: Опыт и перспективы применения // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 233.

⁵⁵ См.: Nye S.J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Public Affairs, 1990, а также более позднюю книгу, в которой термин "мягкая сила" получил своё дальнейшее развитие: *Idem*. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

⁵⁶ Lissner R. Op. cit. P. 54.

не следует полностью отказываться от силовых акций. Практику американских "гуманитарных интервенций" следует продолжать, но избирательно и с меньшей интенсивностью. Задача "большой стратегии" состоит в том, чтобы "обуздать интервенционистское искушение путём ограничения американских глобальных амбиций", чёткого разграничения интересов США по степени важности и повышения роли невоенных инструментов в достижении стратегических целей⁵⁷.

Например, авторы доклада вашингтонского Центра новой американской безопасности полагают, что в настоящее время, когда цена стратегической ошибки сильно возрастает, Соединённые Штаты нуждаются в новой, более целенаправленной "большой стратегии" продвижения американских интересов в условиях "конфронтационного геополитического будущего". При этом они предлагают при её выработке и реализации руководствоваться некоторыми ключевыми принципами⁵⁸.

Прежде всего США следует отказаться от проведения затянувшихся ресурсоёмких войн, которые не способствуют достижению политических целей. В связи с этим эксперты считают целесообразным быстрее закончить военную операцию в Афганистане (ставшую самой длительной в американской истории) посредством активизации диалога с талибами.

Американские эксперты также считают, что назрела необходимость пересмотреть систему национальных интересов страны, потому что только их ясное определение позволит провести границу между "войнами по необходимости" и "войнами по выбору". Специалисты не исключают вероятности ведения "ограниченной войны" с сопоставимым соперником. Только в этом случае необходимо заранее ясно обозначить её конечные цели, чтобы добиться политической победы, не всегда означающей полное военное поражение противника. Иначе отсутствие поставленных чётких и достижимых политических целей в военных акциях делает их бесконечными, наподобие "войны с терроризмом".

Следует отметить, что американские аналитики считают, что основной фокус в "большой стратегии" США должен быть сделан на геополитическом соперничестве с Китаем и Россией. Соответственно, должны быть правильно расставлены приоритеты, чтобы ресурсы страны не отвлекались на отражение других, менее значимых для неё вызовов.

С учётом сказанного считается необходимым пересмотреть подход к самим интервенциям, которые в дальнейшем будут сильно меняться. Соединённым Штатам целесообразно, с точки зрения американских исследователей, придерживаться "большой стратегии", которая будет опираться на расширенный спектр внешнеполитических и экономических инструментов, принимая во внимание тот факт, что геополитическая динамика делает традиционное военное вмешательство более дорогостоящим и рискованным. По их мнению, в будущем финансовое могущество США сохранится, поэтому экономическое принуждение будет главным среди невоенных инструментов Вашингтона. Кроме того, руководству страны следует вновь обратиться к концепции "политической войны",

⁵⁷ См.: *New Voices in Grand Strategy* // Center for a New American Security – CNAS. 2019.

⁵⁸ *Lissner R.* Op. cit. P. 56.

предложенной Дж. Кеннаном, и делать ставку на политико-дипломатическое давление и "гуманитарную помощь"⁵⁹.

В связи с этим, считают эксперты, в новой "большой стратегии" следует обращать внимание не только на инструментарий её реализации, но и на механизмы его использования. Предлагается укрепить межведомственную координацию и сотрудничество с союзниками. С точки зрения американских специалистов, Вашингтон должен применять военную силу только тогда, когда под угрозой находятся жизненно важные интересы государства и когда сила является наиболее эффективным средством их защиты. При этом приоритет нужно отдавать новым формам силового воздействия, которые могут снизить издержки и риски. Например, перспективные автономные боевые системы и кибероружие предоставляют новые возможности для вмешательства США с меньшей угрозой для жизни граждан.

Как представляется, на выработку новой "большой стратегии" США определяющее воздействие будут оказывать такие факторы, как потеря ими подавляющего военного превосходства, внутренние разногласия по поводу внешнеполитического курса страны на долгосрочную перспективу, а также возрождение геополитического соперничества с крупными державами в лице России и Китая. В этих условиях американские эксперты не исключают применения военной силы, но выступают за её осторожное, взвешенное использование, отдавая предпочтение сочетанию инструментов "мягкой" и "жесткой силы".

Ключевые слова: *политика США – военная сила – Вооружённые Силы США – "мягкая сила" – "умная сила"*.

Keywords: *the U.S. policy – military power – the U.S. armed forces – "soft power" – "smart power"*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блэквилл Р., Харрис Д.М.* Война иными средствами: Геоэкономика и искусство управления государством. М.: АСТ, 2016.
2. Военная политика новой администрации США / Г.Г. Тищенко, С.М. Ермаков, А.В. Вилловых, М.Е. Кучинская, Д.А. Чижов, Я.В. Селянин // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6 (45). С. 49–67.
3. Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. 1024 с.
4. *Евстафьев Д.Г., Кривохижа В.И.* Современная геополитика США: Концепции и реальность // США в новом мире: Пределы могущества / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. М.: РИСИ, 1997. С. 11–14.
5. *Евстафьев Д.Г.* Современная американская военная политика // США в новом мире: Пределы могущества / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. М.: РИСИ, 1997.

⁵⁹ *Ashford E.* Power and Pragmatism: Reforming American Foreign Policy for the 21st Century // *New Voices in Grand Strategy* // Center for a New American Security – CNAS. 2019. P. 12.

6. *Ермаков С.М.* Большая дубинка США: Опыт и перспективы применения // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 233–236.
7. *Жинкина И.Ю.* Понятие "война" в американской стратегии национальной безопасности / Ин-т Соедин. Штатов Америки и Канады РАН. М., 2001. 77 с.
8. *Жинкина И.Ю.* Фактор силы в системе американских стратегических целей // США: Экономика, политика, идеология. 1996. № 4.
9. *Иванов О.П.* Применение военной силы США: Рациональный и иррациональный подход. М.: Науч. книга, 2007.
10. *Коньшев В.Н.* Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб.: Наука, 2009. 176 с.
11. *Корчмит-Матюшов В.И.* Предназначение наше изначально. М.: СИП РИА, 1998. 163 с.
12. Краткий словарь специальных терминов для руководящего состава Вооружённых Сил Российской Федерации / Под общ. ред. М.П. Колесникова. М.: Воен. изд-во, 1994. 63 с.
13. *Кузнецов Д.В.* "Вьетнамский синдром" в общественном мнении США // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 126–135.
14. *Кузнецов Д.В.* События 11 сентября 2001 г. и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. М., 2009.
15. США в новом мире: Пределы могущества / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. М.: РИСИ, 1997.
16. *Цыбаков Д.Л.* Милитаризация международной политики: Последствия для интересов и безопасности России. М.: МАКС Пресс, 2012. 236 с.
17. Ядерная политика новой администрации США: Вызовы и возможности для России и режима ядерного нераспространения // Ядерный контроль. 2018. Февраль-март. № 2–3 (496–497).
18. *Ashford E.* Power and Pragmatism: Reforming American Foreign Policy for the 21st Century // New Voices in Grand Strategy // Center for a New American Security – CNAS. 2019.
19. Avoiding a Strategy of Bluff: The Crisis of American Military Primacy // Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2017. March. URL: <https://csbaonline.org/research/publications/avoiding-a-strategy-of-bluff-the-crisis-of-american-military-primacy> (дата обращения: 28.03.2019).
20. *Berman R.* President Trump's "Hard Power" Budget // The Atlantic. 2017. 16 March. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/03/president-trumps-hard-power-budget/519702/> (дата обращения: 28.03.2019).
21. *Bleachman B., Wittes T.* Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy since 1989 // Political Science Quarterly. 1999. Vol. 114.
22. Casualty Status // U.S. Department of Defense. Official website. URL: <https://www.defense.gov/casualty.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).
23. *Cohen Eliot A.* The Big Stick: The Limits of Soft Power and the Necessity of Military Force. N.Y.: Basic Books, 2017.
24. Confidence in Institutions // Gallup. 2018. URL: <http://news.gallup.com/poll/1597/confidence-institutions.aspx> (дата обращения: 28.03.2019).
25. *Conversino M.* Sawdust Superpower: Perceptions of US Casualty Tolerance in the Post-Gulf War Era // Strategic Review. 1997. Winter. P. 15–23.
26. DOD Dictionary of Military and Associated Terms // Joint Chiefs of Staff. Official website. 2018. April. URL: <https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/dictionary.pdf> (дата обращения: 25.11.2018).
27. *Dunn A., Jones B.* Americans Are Divided Over Decision To Withdraw From Syria // Pew Research Center. 2019. 18 January. URL: <http://pewresearch.org/fact-tank/2019/01/18/americans-divided-over-decision-to-withdraw-from-syria/> (дата обращения: 28.03.2019).

28. *Edelman E.* Avoiding a Strategy of Bluff: The Crisis of American Military Primacy. Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2017. March. URL: <https://csbaonline.org/research/publications/avoiding-a-strategy-of-bluff-the-crisis-of-american-military-primacy> (дата обращения: 28.03.2019).
29. Full Transcript and Video: Trump's Speech on Afghanistan // The New York Times. 2017. 21 August. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/trump-speech-afghanistan.html> (дата обращения: 28.03.2019).
30. *Gertz B.* Mattis on strategy // The Washington Times. 2018. 16 May. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/may/16/jim-mattis-on-defense-strategy/> (дата обращения: 28.03.2019).
31. *Giaritelli A.* Jim Mattis has the highest approval rating in Trump's Cabinet, survey finds // Washington Examiner. 2018. 21 March. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/news/jim-mattis-has-the-highest-approval-rating-in-trumps-cabinet-survey-finds> (дата обращения: 28.03.2019).
32. *Hastedt G.* American Foreign Policy. New Jersey, 1997.
33. *Juul P., Gude K.* Reckless Endangerment: President Trump and the Use of Military Force // Center for American Progress. 2017. 1 May. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2017/05/01/431566/reckless-endangerment-president-trump-use-military-force/> (дата обращения: 28.03.2019).
34. *Lissner R.* Military Intervention and the Future of American Grand Strategy // New Voices in Grand Strategy // Center for a New American Security – CNAS. 2019.
35. *Luttwak E.* A Post-Heroic Military Policy // Foreign Affairs. 1996. July-August.
36. *Luttwak E.* Strategy: The Logic of War and Peace. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1987.
37. Missile Defense Review. 2019 // U.S. Department of Defense. Official website. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (дата обращения: 01.06.2019).
38. *Morello C.* State Department's 28 percent cuts hit foreign aid, U.N. and climate change // The Washington Post. 2017. 16 March. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/state-departments-28-percent-cuts-hit-foreign-aid-un-and-climate-change/2017/03/15/294d7ab8-0996-11e7-a15f-a58d4a988474_story.html (дата обращения: 28.03.2019).
39. National Security Strategy of the United States of America. 2017. December // The White House. Official website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).
40. New Voices in Grand Strategy / Ed. by R. Fontaine, L. DeJonge Schulman // The Center for a New American Security. 2019. April.
41. Nuclear Posture Review. 2018. February // U.S. Department of Defense. Official website. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 01.06.2019).
42. *Nye S.J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Public Affairs, 1990.
43. *Nye S.J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
44. *O'Rourke R.* A Shift in the International Security Environment: Potential Implications for Defense – Issues for Congress // Congressional Research Service Report. R43838. 2018. 26 April.
45. *Powell C.* US Forces: Challenges Ahead // Foreign Affairs. 1992–1993. Winter. Vol. 71. No. 5.
46. *Rogin J.* State Department considers scrubbing democracy promotion from its mission // The Washington Post. 2017. 1 August. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/josh-rogin/wp/2017/08/01/state-department-considers-scrubbing-democracy-promotion-from-its-mission/> (дата обращения: 28.03.2019).

---

47. *Saad L.* Military, Small Business, Police Still Stir Most Confidence // Gallup. 2018. 28 June. URL: <https://news.gallup.com/poll/236243/military-small-business-police-stir-confidence.aspx> (дата обращения: 28.03.2019).

48. *Simmons K., Stokes B., Poushter J.* NATO Publics Blame Russia for Ukrainian Crisis, but Reluctant to Provide Military Aid // Pew Research Center. 2015. 10 June. URL: <https://pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid> (дата обращения: 15.10.2017).

49. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // U.S. Department of Defense. Official website. URL: <https://www.dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

50. *Tyson A.* Americans are split on the principle of pre-emptive military force // Pew Research Center. 2017. 28 November. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/28/americans-are-split-on-the-principle-of-pre-emptive-military-force/> (дата обращения: 28.03.2019).